

чувствами художницы, образно переданы времена года и настроения природы. Вариации на тему «Летний сад» — лирическая композиция, пронизанная мелодией любви и признательности.

В этих акварелях и цветных литографиях — дань воспоминаниям о незабываемых днях молодости, об Анне Петровне, любившей озаренный пленительной стройностью граций Летний сад, восхищение мудрым и дерзким памятником петровской эпохи, напоминающим блистательные страницы истории прорубившей окно в Европу России, благодарность бескорыстно щедрой природе, дарящей радость и вдохновение. Покидая старинный Летний сад, запечатленный Померанцевой, сквозь деревья которого видишь приметы нашего времени, мы уносим с собой ощущение радости.

Серия «Летний сад» с особой отчетливостью раскрывает творческую позицию Е. Н. Померанцевой — поиск осмысленной красоты и стремление к совершенствованию художественной выразительности.

Наряду с родным городом, художницу манят удивительные по замыслу и исполнению архитектурные памятники русских городов — Ростова, Новгорода, Переславля, связанные с именами Ярослава Мудрого, Александра Невского, Петра Великого, воплотивших в себе преданность интересам Отечества, государственную мудрость и воинскую доблесть. Померанцева стремится привлечь внимание зрителя к «каменной живописи», видя в ней свидетельство безграничной талантливости русского народа, его высокого патриотизма, веры в несокрушимую силу Родины. Она вдохновлена мыслью о том, что «знание прошлого укрепляет убеждения».

Любит работать Елизавета Николаевна и в жанре натюрморта. Одна из ее послед-

них работ — натюрморт «Размышление». У раскрытого окна — букет белых тюльпанов на фоне темного неба. Рядом — книга Гете «Фауст». Акварель привлекает точностью отбора выразительных средств, естественностью композиции и лаконичностью цветового решения. В двухцветном натюрморте — какая-то особая притягательная сила, философский подтекст, уводящий взволнованную мысль за пределы будничных представлений. Контраст белого и черного воспринимается как некий синтез вечных категорий: Любви и Ненависти, Правды и Лжи, Добра и Зла... В редких, приглушенно выписанных звездах, рассыпанных по небу, видится отсвет мечты и надежды. Преобладание белого цвета над черным подчеркивает могущество Света над Мраком и придает натюрморту мажорное звучание.

Увлеченное отношение к жизни, искусству и природе в сочетании с высоким мастерством позволяет Померанцевой успешно решать творческие задачи. Она свободно владеет и рисунком, и акварелью, и искусством цветной литографии. У нее — свой художественный почерк, сложившийся под влиянием учителей, собственных творческих исканий и требований времени. Ее работам присуща четкая графическая выразительность цвета и лиричность. Истоки поэтического видения художницы рождены гармонией ума и сердца и симфонической музыкой — неотъемлемой частью ее духовной жизни.

Произведения Елизаветы Николаевны исполнены с той сердечной простотой и оптимизмом, которые созвучны ее характеру, ее вере в нравственную силу искусства. В них — радость любви к жизни, доверительное отношение к зрителю, стремление к взаимопониманию с ним.

Николай ПУШКОВ.

По случаю юбилея

Всеволод АЗАРОВ

ЧУДЕСНОЕ ОКО

16 марта 1984 года писателю-фантасту Александру Романовичу Беляеву исполнилось бы сто лет. Я счастлив, что мне довелось встретиться с ним.

Я держу в руках, небольшую, изящно изданную книгу, на титульном листе которой написано: «Уважаемому товарищу Азарову на добрую память. А. Беляев. 13.XII.35 года».

Повесть называется «Чудесное око». Она выпущена в том же году, когда и по-

дарена, на украинском языке. На русском языке оригинал рукописи не сохранился. Повесть посвящена многим темам, одна из главных — борьба за использование атомной энергии в мирных целях.

Для того чтобы узнать секрет изобретения трагически погибшего ученого, революционера из Латинской Америки, советские люди ищут корабль, на котором он погиб. И тут им приходит на помощь чудесное изобретение XX века, которое

в пору жизни Беляева существовало лишь в начальном поиске — подводное телевидение.

Говорят, что из ста восьми научно-фантастических идей Жюль Верна не оправдалось десять, из восьмидесяти шести идей Герберта Уэллса — девять, из пятидесяти смелых научных предвидений Александра Беляева не осуществилось только три.

Я познакомился с советским Жюлем Верном, когда им уже были созданы наиболее знаменитые его произведения — «Человек-амфибия», «Голова профессора Доуэля». Их автору тогда исполнилось пятьдесят лет.

И все же Беляев, подобно другому великому сказочнику нашего времени Александру Грину, не получил при жизни того признания, какое по праву заслужил. Его книги, несмотря на любовь читателей, не переиздавались, выходили сравнительно небольшими тиражами, становясь сразу же редкостью.

Но для меня, молодого читателя и почтателя журналов «Вокруг света» (их было два — московский и ленинградский), «Всемирного следопыта», «Мира приключений», имя Беляева было почтаемым с юношеских лет.

О, этот запах свежей типографской краски, яркие, многокрасочные обложки с изображением фрегатов, затянутых водорослями, в которые причудливо вписывались буквы названия — «Остров Погибших Кораблей»!

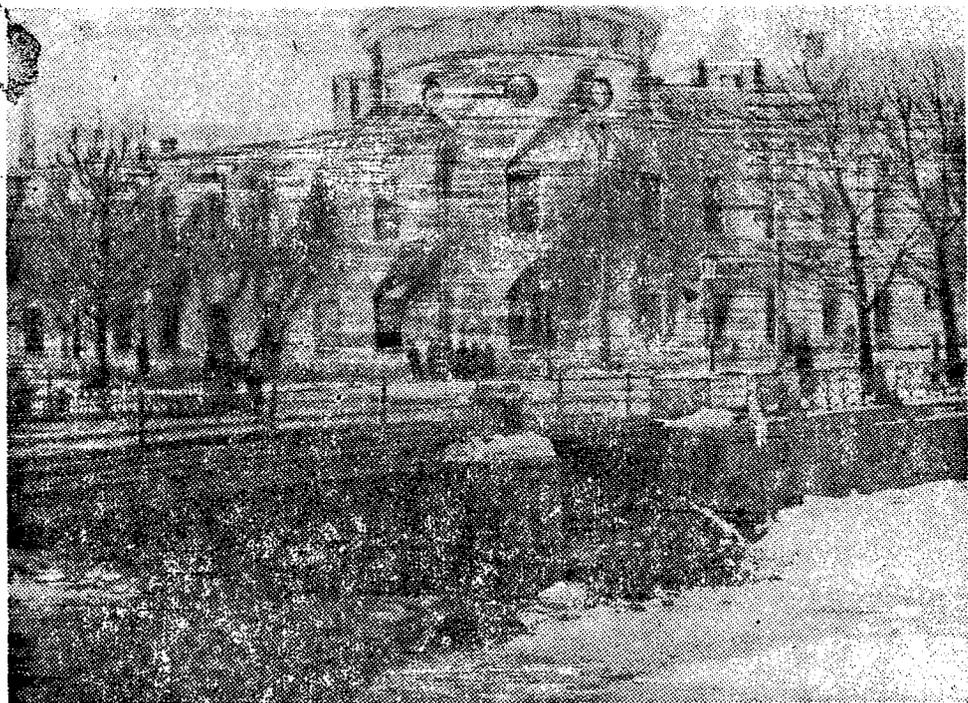
Мое знакомство с Беляевым состоялось, если можно так выразиться, на базе той, новой для тогдашнего времени техники передачи слова на расстоянии, которой он так увлекся. Впрочем, это была не фантастическая, описанная в «Чудесном оке» передача со дна океана, а скорее — повседневный труд ленинградской радиостанции. В то время я приобщился к литературному радиовещанию и хорошо помню первую студию на набережной реки Мойки. Большой, как обод колеса, микрофон чем-то напоминал обруч детской игры «серсо».

А потом в здании, принадлежавшем прежде Пролеткульту, где радикомитет размещается и поныне, я после окончания университета работал литературным редактором молодежного вещания. Тогда-то мне и пришла в голову мысль привлечь для радиовишенировки одного из произведений Беляева самого автора. Помню, как, нажав на черном телефонном аппарате кнопку (их было две — «А» и «Б»), по

Фототека «СТ»

Литовский замок в дни Февральской революции. Петроград, 1917 год.

Ленинградский государственный архив кинофотодокументов.

числу подстанций), я услышал в ответ глуховатый голос. Да, я был взволнован, словно разговаривал с живым Жюлем Верном!

Советский фантаст жил тогда на Петроградской стороне, кстати, той самой, с которой совершили свой невероятный прыжок на Марс герои любимой нами с детства книги Алексея Толстого «Аэли-та». Выслушав меня, Александр Романович назначил время моего прихода к нему. Мы встретились. Передо мной был немолодой, а для меня тогдашнего, двадцатилетнего, даже старый, болезненный, неестественно выпрямившийся (он носил из-за тяжелой болезни — костного туберкулеза позвонков — специальный корсет) человек с высоким лбом и умными, большими, глубоко сидящими глазами.

Когда я сейчас вспоминаю свои беседы с Беляевым, естественно, мне трудно отделить и как-то датировать их. Ведь я встречался с ним не раз в высоком доме на углу Большого проспекта и улицы Ленина, если не ошибаюсь, там, где помещается теперь магазин «Подарки», а позднее в доме на улице Первого мая в Пушкине.

По внешнему виду Александр Романович походил на инженера или ученого. К своим литературным данным он относился очень самокритично. Говорил о том, что у него отсутствует образность, иногда становится слишком книжным язык. Зато в выдумке, смелости научно-обоснованных догадок он понимал свою силу.

Кем я был для него? Радиоредактором, начинающим поэтом. Но он прислушивался и к моим суждениям, придирчиво переспрашивал. Я убежден, что Александр Романович Беляев был не только пионером советской научной фантастики, но и поэтом, сказочником, сочетавшим в себе выдумку и богатство научных знаний.

Помню (это было в 1935 году), вскоре после кончины великого ученого, провидца космических полетов К. Э. Циолковского, с какой нежностью и благоговением Александр Романович рассказывал о том, кого называли чудачком из Калуги. «Человечество не останется вечно на земле, но в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство». Это завещание К. Э. Циолковского начертано на его надгробии. Тогда еще только рождались мальчики, будущие читатели вещей трудов Циолковского, пророческих романов Беляева, которым выпало счастье первыми в мире проложить дорогу к звездам.

Беляев переписывался с Циолковским, посвящал ему свои литературные работы. Он гордился той высокой оценкой, которую дал Константин Эдуардович его тру-

дам. В память о друге и наставнике Беляев назвал его инициалами свой роман «Звезда КЭЦ», над которым писатель работал в 1935 году.

Когда летом 1938 года А. Р. Беляев вновь, и теперь уже навсегда, переехал в город Пушкин, я не прерывал с ним связи. Впрочем, стоило короткий срок побыть у Беляева, и ты забывал о его немощи. Так молод был он в своих помыслах, так горячо говорил о новых работах.

Александр Романович очень любил этот маленький город в садах и парках, колыбель гения Пушкина. Да и жилось здесь Александру Романовичу и его семье — жене Маргарите Константиновне и дочери Светлане — лучше, чем в доме на Петроградской. Теперь у Беляевых была своя уютная и просторная квартира.

Он охотно сотрудничал в районной газете «Большевистское слово», часто встречался со школьниками, учеными, литераторами.

Последний раз ко мне пришла весточка от Александра Романовича, когда началась война и я уже находился на фронте. Приехав из Кронштадта, я застал дома открытку от него. Он просил меня связать его с фронтовой печатью. Беляев хотел, чтобы его слово служило делу победы народа над фашизмом. Я написал Александру Романовичу. Не знаю, получил ли он мой ответ.

В войну я не раз вспоминал об этом замечательном человеке. Лишь позднее, после разгрома фашистов под Ленинградом и полного сiania блокады, мы узнали, что писатель-патриот, классик советской фантастики умер в Пушкине от голода 6 января 1942 года.

А книги его живут, высказанные в них смелые догадки сбываются. Вот и книжка с дорогой для меня надписью. «Чудесное око», полна предвосхищением грядущего.

Атомная энергия и атомные двигатели дадут неограниченные ресурсы энергии там, где она необходима... В тундре, тайге, в горах и пустынях — везде мы сможем иметь карманные «Днепрогасы».

Я помню, как читал мне Александр Романович страницы, где описывались механические «руки», добывающие породу на других планетах по команде с Земли. Помню краски лунных ландшафтов, открывающихся его героям. И эти предсказания сбылись!

В послевоенные годы на Черном море я побывал на маленьком корабле, предназначенном для подводной разведки косяков рыбы. Он носит имя героя романа «Человек-амфибия» — Ихтиандр!

Когда я думаю о поэтической власти произведений Александра Романовича Беляева, я вижу юношу, плывущего на дельфине. В руке его зажата раковина, в которую мальчик трубит!